

УДК 347.633

**ИНСТИТУТ УСЫНОВЛЕНИЯ В РОССИИ
В XIX – НАЧАЛЕ XX в.****О.Л. Бимбаева**

Сибирская академия права, экономики и управления

E-mail: bimbaevaoksana@mail.ru; ok.2709@yandex.ru

В статье анализируются существующие разновидности усыновления в России в XIX – начале XX в. Имперское право предусматривало отличные процедурно-правовые основания для разных слоев населения России. Наиболее детально рассмотрены практика усыновления сельскими обывателями России и обычаи усыновления отдельных народностей. Особое внимание уделено документам Государственного архива Республики Бурятия и Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, на основе которых выяснилось отношение к усыновленным детям.

Ключевые слова: усыновленный, усыновитель, незаконнорожденные дети, обычное право, инородцы.

**INSTITUTE OF ADOPTION IN RUSSIA
IN XIX – BEGINNING OF XX CENTURY****O.L. Bimbaeva**

Siberian Academy of Law, Economics and Management

E-mail: bimbaevaoksana@mail.ru; ok.2709@yandex.ru

In this article different kinds of adoption in Russia in the 19th century and at beginning of the 20th century are analyzed. Imperial right provided for different procedural and legal grounds for various strata of Russian society. The adoption practice of rural inhabitants of Russia and customs of adoption of some nationalities are examined. Some special emphasis is paid to the data that elucidated the relation to adopted children, the data of the State Archive of the Republic of Buratya and the Centre of oriental manuscripts and xylographs of the Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,

Key words: adopted, foster father, illegitimate children, traditional law, foreigner.

Вопросы усыновления были впервые затронуты в российском праве XIX в. Устав гражданского судопроизводства 1864 г. и Свод законов гражданских различали узаконение и усыновление. Узаконением назывался процесс обращения незаконнорожденных детей в законных [6, с. 152], а под усыновлением подразумевалось «...принятие усыновителем в свою семью законных или незаконных детей лиц, но не своих собственных» [5, с. 85].

Комментируя действующее законодательство, Д.И. Мейер различал три вида усыновления в зависимости от социального статуса: усыновление дворянами, усыновление купцами и усыновление лицами податного состояния [9, с. 603]. Каждый вид усыновления преследовал собственные цели.

Для дворян усыновление являлось возможностью искусственного продолжения рода (передача герба и фамилии). Купеческое усыновление заключалось в приписке к семейному капиталу.

Наиболее интересным является усыновление среди лиц в податных состояниях. Здесь усыновление совершалось простой припиской к семейству, причем у мещан это производилось с утверждения казенной палаты, а у сельских обывателей – через приговор сельского общества. Так как в законодательстве особых норм, регламентирующих данный вид усыновления, нет, многое отдается на откуп нормам, действующим на конкретной территории.

На примере фондов Государственного архива Республики Бурятия можно рассмотреть практику действия норм имперского права об усыновлении у сельских обывателей.

Как свидетельствуют архивные материалы даже ограниченного периода времени (1904–1908 гг.), усыновление было нередким явлением. Так, незаконно родившийся у крестьянской вдовы Парасковьи Старко сын Николай в возрасте двух месяцев был отдан в дети крестьянам этого же общества (Тарячинского отдаленного). Припиской к семейству Чистяковых, утвержденным общественным приговором, завершилось дело об усыновлении супругами Чистяковыми Егора и его законной жены Елизаветы [1]. Родившегося вне брака сына Илью (7 лет) у крестьянки Евфросиньи Красотенко пожелали взять в дети крестьяне села Кульска Верхнеталецкой волости Григорий и Макрина Ларионовы [3]. Крестьяне Верхнеталецкого волостного правления Уныгытэйского села Кудин и Степанида Козловы дали подписку своим односельчанам Устину и Акулине Григорьевым об отдаче в дети своего законного сына Мартиана 5 лет [2]. Государственные крестьяне Верхнеудинского уезда Верхнеталецкой волости Александр и Наталья Даниловы отдали на усыновление своего законного сына Диомида (10 лет) Терентию и Феодосье Вишняковым, родителям Натальи [4]. Следует отметить, что крестьяне, не боясь издержек, довольно охотно усыновляли детей. Возможно, в некоторых случаях это связано с желанием избавиться от внебрачных детей, но согласно архивным данным, усыновлялись и законнорожденные дети.

У «инородцев» Сибири имперские нормы использовались редко. Обычай и традиции, в частности, бурят-монголов, исходили из того, что бездетность – это не только большое несчастье, но и позор, поскольку означает «... умереть и отойти в вечную жизнь к своим предкам, запереть дверь, пустить в разорение и развеевание свою усадьбу и священный для него домашний очаг, остаться без наследника и продолжателя рода, быть забытым после смерти людьми и обществом» [12]. На основании материалов, содержащихся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее – ЦВРК), можно заключить, что у коренных народов Сибири усыновление регулировалось обычаями, поэтому трудно определить масштабы усыновлений, тем более что, как верно отмечал Б.Д. Цибилов, «обычное право бурят-монголов и законы нойонов не предусматривали так называемых “незаконнорожденных” детей» [10]. Дети, рожденные женой во время отсутствия ее мужа или даже через несколько лет после его смерти, юридически считались потомками мужа и пользовались всеми правами законнорожденных детей. Кроме того, как указано в архивных материалах, при

решении таких дел «не различают ничем детей, прижитых от наложницы или от жены; но отец дает каждому то, что хочет, и если он вельможного рода, то сын наложницы делается вельможей точно так же, как и сын законный» [13].

Но в жизни не всегда усыновленные дети были равны кровным. К «чужеродным элементам» в роде относились иногда доброжелательно, а иногда враждебно. Например, незаконнорожденных детей или детей, пришедших с матерью (в утробе или рожденными), при хорошем к ним отношении называли «олзо» – «сами пришедшие», «найденные». В этом случае сын – «олзо» и его потомки пользовались в роде правами наравне со всеми родо-вичами, вплоть до занятия должности родоначальника. В других случаях, как свидетельствуют архивы, те же дети назывались «зольба-оруля» – «пригульные», и впоследствии сам сын – «зольба» и его потомки всегда ущемлялись в правах. Им отводились худшие места для кочевий, пастбищ и заселений и т.д. [11]. Но в большинстве своем усыновление среди бурят-монголов считалось благом, а отношение к незаконнорожденным детям характеризовалось определенной лояльностью.

Сходные позиции в отношении к усыновлению обнаруживаются и у якутов: дети, рожденные до прихода жены в дом мужа, считаются законными, даже если родители не были обвенчаны; все дети, родившиеся в браке, считаются детьми мужа матери. Если муж и жена живут в одном доме, то муж не вправе отказаться от детей, рожденных его женой. Исключение составляет лишь ситуация, когда жена рождает ребенка во время продолжительного отсутствия мужа и при этом известно, что жена открыто держала любовника. Только тогда муж может отказаться от ребенка. Но, как писал Д. Кочнев, «...случаи отказа от детей жены весьма редки. Напротив, усыновление подобных детей и детей, рожденных женой до брака, совершается весьма часто. Цель брака – продолжение своего рода; поэтому, если брак оказывается бесплодным, то это обстоятельство сильно беспокоит родителей. Чтобы пособить горю, муж, обыкновенно ревнивый, сквозь пальцы смотрит на шалости жены. Если подобное поведение жены будет иметь своим последствием появление на свет ребенка, то муж принимает его, как своего» [7, с. 125]. Из этого следует, что фактически усыновленный ребенок приравнивается в правах ко всем остальным членам семьи.

Небезынтересно обратиться к обычному праву туркмен. Усыновление – это обычай, известный туркменам с древнейших времен. Незаконнорожденные дети туркмен приравнивались в имущественных правах к законным только с момента усыновления. Нередки злоупотребления обычаем усыновления. Туркменки, имевшие любовников, чтобы легче было скрывать свою связь от мужей и родных, настаивали, чтобы мужья усыновляли любовников; усыновленные, живя в доме усыновителей, продолжали незаконную связь с женами усыновителей [8, с. 39].

Нормы, действующие в сфере семейных отношений, с исторической точки зрения отражают состояние общества. Поэтому многие народы, находящиеся в сравнительно сходных условиях, формируют и сходные обычаи.

Литература

1. Государственный архив Республики Бурятия (далее – ГАРБ). Ф. 209. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–8.
2. ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 272. Л. 1–8.
3. ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 993. Л. 6–9.
4. ГАРБ. Ф. 246. Оп. 1. Д. 996. Л. 1–3.
5. *Зайцева С.В.* Усыновление незаконнорожденных детей в России в конце XIX – начале XX в. // Вестник Ленинградского университета им. А.С. Пушкина. 2012. Т. 4, № 1. С. 85–92.
6. *Кавелин К.Д.* Очерк юридических отношений, возникающих из семейного союза. СПб.: Тип. Прав. Сената. 1884. 172 с.
7. *Кочнев Д.* Очерки юридического быта якутов. Казань. Типо-литография Императорского университета. 1899. 176 с.
8. *Ломакин А.* Обычное право туркмен (Адат). Асхабад. Паровая русская типография К.К. Оolorova. 1897. 146 с.
9. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право. М.: Тип. Современ. Изв. 1873. 730 с.
10. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее – ЦВРК). О.Ф. 424. Цибииков Б.Д. Классовая сущность писаного права бурят- монголов. Л. 80.
11. ЦВРК. Ф. 145а. Мункоев. Управление административное. Л. 8.
12. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 982. Л. 5.
13. ЦВРК. Ф. 36. Оп. 1. Д. 810. Л. 47.

Bibliography

1. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Burjatija (dalee – GARB). F. 209. Op. 1. D. 11. L. 1–8.
2. GARB. F. 246. Op. 1. D. 272. L. 1–8.
3. GARB. F. 246. Op. 1. D. 993. L. 6–9.
4. GARB. F. 246. Op. 1. D. 996. L. 1–3.
5. *Zajceva S.V.* Usynovlenie nezakonnorozhdennyh detej v Rossii v konce XIX – nachale XX v. // Vestnik Leningradskogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2012. T. 4, № 1. P. 85–92.
6. *Kavelin K.D.* Ocherk juridicheskijh otnoshenij, vznikajushhijh iz semejnogo sojuza. SPb.: Tip. Prav. Senata. 1884. 172 p.
7. *Kochnev D.* Ocherki juridicheskogo byta jakutov. Kazan'. Tipolitografija Imperatorskogo universiteta. 1899. 176 p.
8. *Lomakin A.* Obychnoe pravo turkmen (Adat). Ashabad. Parovaja russkaja tipografija K.K. Oolorova. 1897. 146 p.
9. *Mejer D.I.* Russkoe grazhdanskoe pravo. M.: Tip. Sovremen. Izv. 1873. 730 p.
10. Centr vostochnykh rukopisej i ksilografov Instituta mongolovedenija, buddologii i tibetologii SO RAN (dalee – CVRK). O.F. 424. Cibikov B.D. Klassovaja sushhnost' pisanogo prava burjat- mongolov. L. 80.
11. CVRK. F. 145a. Munkoev. Upravlenie administrativnoe. L. 8.
12. CVRK. F. 36. Op. 1. D. 982. L. 5.
13. CVRK. F. 36. Op. 1. D. 810. L. 47.